
РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ

DOI: 10.14515/monitoring.2019.2.23

Правильная ссылка на статью:

Багдасарьян Н. Г. Ностальгия по прошлому или в будущее — с надеждой. Рец. на кн.: Бауман З. Ретротопия / Зигмунт Бауман; пер. с англ. В. Л. Силаевой; под науч. ред. О. А. Оберемко. М.: ВЦИОМ, 2019 // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 2. С. 486—492. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.2.23>.

For citation:

Bagdasaryan N. G. (2019) Nostalgia for the past or looking forward with hope: A book review on Bauman Z. (2019) Retrotopia. Trans. from Eng. by V. Silaeva; edited by O. A. Oberemko. Moscow: VCIOM. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 486—492. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.2.23>.

Н. Г. Багдасарьян

**НОСТАЛЬГИЯ ПО ПРОШЛОМУ ИЛИ В БУДУЩЕЕ — С НАДЕЖДой.
РЕЦ. НА КН.: БАУМАН З. РЕТРОТОПИЯ / ЗИГМУНТ БАУМАН; ПЕР. С АНГЛ.
В. Л. СИЛАЕВОЙ; ПОД НАУЧ. РЕД. О. А. ОБЕРЕМКО. М.: ВЦИОМ, 2019**

НОСТАЛЬГИЯ ПО ПРОШЛОМУ ИЛИ В БУДУЩЕЕ — С НАДЕЖДой: РЕЦ. НА КН.: БАУМАН З. РЕТРОТОПИЯ / ЗИГМУНТ БАУМАН; ПЕР. С АНГЛ. В. Л. СИЛАЕВОЙ; ПОД НАУЧ. РЕД. О. А. ОБЕРЕМКО. М.: ВЦИОМ, 2019

NOSTALGIA FOR THE PAST OR LOOKING FORWARD WITH HOPE: A BOOK REVIEW ON BAUMAN Z. (2019) RETROTOPIA. TRANS. FROM ENG. BY V. SILAEVA; EDITED BY O. A. OBEREMKO. MOSCOW: VCIOM

БАГДАСАРЬЯН Надежда Гегамовна — доктор философских наук, профессор, МГТУ имени Н. Э. Баумана (национальный исследовательский университет), Москва, Россия
E-MAIL: ngbagda@mail.ru
<http://orcid.org/0000-0003-0639-3987>

Nadezhda G. BAGDASARYAN¹ — Dr. Sci. (Philos.), Professor
E-MAIL: ngbagda@mail.ru
<http://orcid.org/0000-0003-0639-3987>

¹ Bauman Moscow State Technical University, Moscow, Russia

Ключевые слова: ностальгия, Гоббс, копикэт, насилие, государство, власть, неравенство, одиночество, диалог

Keywords: nostalgia, Hobbes, copycat, violence, state, power, inequality, loneliness, dialogue

В мире социального познания произошло событие. Издательство ВЦИОМ выпустило перевод последней книги Зигмунта Баумана [Бауман, 2019], выдающегося социолога и социального мыслителя, ушедшего от нас в 2017 г. Книга со странным названием «Ретротопия», сконструированным З. Бауманом, на фоне шквала изданий, посвященных будущему, пугающему своей стремительной непредсказуемостью, занимает особое место. В ней речь о ностальгии как о «глобальной эпидемии», «безнадежном состоянии современности». Впрочем, тоска по прошлому — это, может быть, «защитный механизм в период ускоренных ритмов жизни и исторических потрясений», как пишет профессор славянского и сравнительного литературоведения Гарвардского университета Светлана Бойм, с цитирования которой З. Бауман начинает свою работу [Бауман, 2019: 17], по дому, которого уже нет, и восстановление которого уже невозможно.

Русскоязычному читателю эта книга, на мой взгляд, особенно созвучна: нами утрачено не только то, что потеряно всем человечеством начала XXI века — его прошлое — всегда безоблачное детство, голубое небо, чистая вода, неспешный ритм жизни и, главное — прелесть молодости... Вдобавок к этому исчезла страна, в которой мы жили все вместе, а геополитическая травма не скоро заживает. Да и заживает ли когда-нибудь? Такие разломы остаются в социальной генетике надолго, и сложная, полифоническая, многоплановая, конфликтующая внутри себя реальность, оставшаяся за той чертой, размываясь более поздними наслоениями, становится энциклопедией утопических иллюзий. З. Бауман пишет, что «утопия Мора сегодня восстала в виде ретротопии — в картинах утраченного/украденного/покинутого и призрачного прошлого» [Бауман, 2019: 19]. Мне-то представляется — это точно про нас. «Но почему призрачного? — спрашивают меня студенты. — Разве то, что рассказывают о своем счастливом советском детстве наши родители и бабушки с дедушками, — призрачно? Разве не были последние советские десятилетия «золотой эпохой стабильности?»»

Этот миф — не только следствие деятельности оруэлловского Министерства Правды, продолжающего переписывать исторические факты «согласно текущим нуждам государственной политики». Здесь есть кое-что еще, не всегда очевидное, но неизбежно проявляющееся в общественном сознании.

Кажется, что поколения X, Y, Z (или, как их называют, миллениалы) должны бы настроиться на комфортное будущее, реализующее мечты всей предшествующей истории — много свободного времени, легкость перемещений по миру, возможности самореализации и прочее. Но — нет! Мы все оказались на беговой дорожке, скорость движения которой значительно превышает физические и интеллектуальные возможности человека. Эта управляемая кем-то свыше дорожка выбивает нас из «естественной среды обитания надежд и верных ожиданий», и будущее превращается «в обитель кошмаров — страхов потерять работу вместе с прилагаемым к ней социальным положением, боязни того, что весь твой дом вместе с нажитым имуществом может «сменить собственника», страхов увидеть, как дети скатываются с высоты достигнутого благосостояния и престижа и как собственные навыки и опыт теряют последние крохи былой рыночной стоимости. Дорога в будущее выглядит зловеще, как путь к разложению и вырождению» [Бауман, 2019: 20].

Добавим к этому список рисков и угроз, многие из которых уже обрели реальное воплощение. Как, например, китайская система социального кредита, где каждо-

му из миллиарда трехсот миллионов граждан присваивается равное количество баллов, около тысячи, и за каждый поступок — плохое вождение, курение в запрещенных местах, покупка слишком большого количества видеоигр, распространение лживых новостей и прочее, — система либо прибавляет, либо отнимает баллы. Итоги подсчета влияют на реализацию любых планов жителей Поднебесной¹.

Многое из того, что появилось как фантастический результат научно-технического прогресса и что вызывало и продолжает вызывать искренний восторг (возможности глобальной коммуникации, средства борьбы с тяжелыми заболеваниями, биотехнологическое улучшение человека, позволяющее не только исправлять ошибки природы, но и улучшать свои физические и интеллектуальные способности, и многое другое), обнаруживает иную, деструктивную природу. Осознание опасности стать объектом манипуляции при условии осуществления биотехнологических утопических замыслов спровоцировало взрыв этической рефлексии во многих странах мира [Попова, 2017: 4].

Ряд рисков и опасностей, осознаваемых человеком в параллели с созидательной цивилизационной деятельностью, сегодня может быть продолжен до бесконечности. Поэтому вовсе не случайно «маятник общественных установок и общественного сознания качнулся в обратную сторону: отказавшись ожидать улучшений от неопределенного и не внушающего доверия будущего, мы снова стали уповать на смутно вспоминаемое прошлое, приписав ему ценности стабильности и надежности» [Бауман, 2019: 20]. Ностальгию по прошлому как характерную черту современного общества З. Бауман называет глобальной эпидемией.

Есть ли шанс справиться с ней? Что нужно понять и сделать, чтобы спастись? Какую жизненную стратегию выработать? По своей сути вся книга З. Баумана посвящена поискам ответа на эти вопросы. И, учитывая, что это последняя в жизни мыслителя работа, может быть, ее следует читать как завещание, обращенное в первую очередь к молодому поколению.

Апеллируя к Питеру Друкеру и Ульриху Беку, Бауман недвусмысленно и жестко делает вывод: институт, уполномоченный «достичь человеческого счастья посредством проектирования и построения общества, восприимчивого к человеческим потребностям, чаяниям и стремлениям», отсутствует в современных обществах. Оснований ждать помощи и спасения от общества больше нет. Каждый спасается в одиночку: решение порождаемых обществом проблем следует искать и воплощать, используя свои собственные знания, навыки и ресурсы [Бауман, 2019: 25]. Он формулирует это как общий тренд. Но осознание этого особенно трудно дается нашему соотечественнику, по-прежнему в глубине души рассчитывающему на разного рода социальные вспомоществования вместо того, чтобы стремиться к «улучшению индивидуальной позиции внутри не поддающегося никакому исправлению общества» [Бауман, 2019: 26].

Такому состоянию современных обществ сопутствуют сдвиги в ценностных системах и моральных принципах. Современное общество — это общество с деформированной ответственностью. В книге «Индивидуализированное общество», изданной на русском языке в 2002 г., З. Бауман обращается к анализу процессов,

¹ Гордеев А. Цифровая диктатура: как в Китае вводят систему социального рейтинга. 2016. URL: <https://www.rbc.ru/business/11/12/2016/584953bb9a79477c8a7c08a7> (дата обращения: 27.03.2019)

изменивших облик и дух современности, среди которых крах традиционных ценностей, ценностей гуманизма. В качестве аргументации он приводит пример двух телевизионных передач, которые, с точки зрения автора, отражают дух современной эпохи и являются моделью современного общества с его стремлениями, чаяниями и вариациями взаимоотношений. Формат одной из них знаком отечественному зрителю. Это «Слабое звено» — программа, шедшая на одном из центральных каналов в течение нескольких лет. Игра «Слабое звено» формировала и закрепляла в сознании людей, в культурном коде которых из поколения в поколение транслировалась соборность, коллективизм как идеал общественного порядка, что каждый сам за себя, команда нужна лишь как средство для достижения блага, всегда побеждает сильнейший. Менее успешный выбывает из игры, становится аутсайдером. Современная жизнь человека — набор субъективных и индивидуальных рисков. Что бы ни происходило вокруг, даже если человек не является причиной этого происходящего, нести ответственность будет он сам. То есть, с точки зрения З. Баумана, налицо асимметричность двух типов ответственности — коллективной и индивидуальной, при которой коллективная ответственность минимизируется за счет переноса ответственности общества на его индивидов [Бауман, 2002: 60].

В «Ретротопии» З. Бауман, развивая и продолжая эту тему, обращается к феномену копикэта (от англ. *соруcaт* — копирование манеры поведения), который возникает и распространяется в среде новых средств коммуникации, созданных интернетом. Он рассматривает этот феномен как попытку «примирить непримиримое, одновременно удовлетворив две человеческие... абсолютно несовместимые страсти: страсть к социальности и страсть к индивидуальности, вожделение принадлежать и вожделение выделяться» [Бауман, 2019: 38]. Перечисляя и анализируя формы копикэта, З. Бауман особо останавливается на его разновидности, непосредственно связанной с расширением и интенсификацией насилия. Собственно, вокруг проблемы насилия организована вся первая глава «Назад к Гоббсу?». Его «Левиафан» как нельзя лучше служит отправной точкой к размышлению о том, как выглядит сегодня гипотетическая миссия библейского чудовища — подавление врожденной жестокости людей посредством создания государства как гаранта общественного договора, стабилизирующего и регламентирующего общественную жизнь, сдерживающего первобытные инстинкты, заложенные в человеке. Здесь трудно удержаться от невольной ассоциации с фильмом Андрея Звягинцева «Левиафан» (2014 г.), вызвавшего неоднозначную реакцию в российском обществе — саму по себе представляющую превосходный материал для социологического исследования. Это ведь словно о нем пишет З. Бауман: «С помощью хитростей и уловок Гоббсово животное, сидящее внутри человека, пережило реформу нравов модерна нетронутым и неукротенным в своем первоизданном, могучем, грубом, необработанном, невоспитанном/неотесанном виде; процесс цивилизации смог придать лишь внешний лоск этому животному и/или передать его «на аутсорсинг» (например, переноса агрессию с поля брани на футбольное поле), но он не смог его исправить, а тем более изгнать. Животное лишь затаилось, готовое стряхнуть пугающе тонкий покров приличий, годных для того, чтобы скрыть непривлекательность, но не подавить и сдерживать злобность и жестокость» [Бауман, 2019: 29].

И социальный анализ З. Баумана, и показ современной реальности средствами художественного анализа, и журналистские репортажи с мест кровавых событий — все свидетельствует о том, что «человеческая агрессия сохранила свою жизнестойкость и готова проявиться в любой момент» [Бауман, 2019: 27].

В работе «Анатомия человеческой деструктивности» Э. Фромм выделял два вида агрессии, присущих человеку: доброкачественную и злокачественную. Доброкачественная агрессия обусловлена стремлением к самосохранению и проявляется лишь в случаях опасности для жизни. Злокачественная агрессия — проявление неоправданной жестокости. Причину этого Э. Фромм видел в несовершенствах социальной структуры, «плохом качестве» социальных контактов и утрате жизненных смыслов. Классифицируя насилие, Э. Фромм выделил семь его типов: реактивное насилие, фрустрация, зависть и ревность, насилие из мести, компенсаторное насилие, садизм, архаическая жажда крови. По мнению Э. Фромма, склонность человека к деструктивному насилию — следствие неудовлетворенности экзистенциальных и социальных потребностей человека индустриальной эпохи и массового общества [Фромм, 1973]. В этом плане Э. Фромм продолжает аналитическую линию Э. Дюркгейма, которому удалось вскрыть глубинные причины роста самоубийств на фоне интенсивного процесса индустриализации, сопровождавшегося усилением государственной машины, подавляющей подлинную социальную жизнь. Что в такой политической системе представляют собой люди? По выражению Э. Дюркгейма, «дезорганизованную пыль из разрозненных индивидов».

З. Бауман, вступая в неявный диалог со своими великими предшественниками, проводит водораздел между «легитимным и нелегитимным, разрешенным и запрещенным, законным и преступным, терпимым и нетерпимым насилием», оставляя открытым вопрос о границе между ними [Бауман, 2019: 31]. Он дает картину современного нам общества, в котором многое из того, что уже получило освещение, по-прежнему актуально. Но есть то, что возникает как следствие новых культурных сдвигов, новых артефактов и паттернов, это требует своего осмысления, что и делает блестяще З. Бауман.

Ключевая мысль главы — о необходимости «тщательного пересмотра взглядов Гоббса на государство как на гаранта безопасности подданных и как на единственную возможность его субъектов защититься от врожденной (инстинктивной и импульсивной) человеческой агрессивности, а следовательно, получить эффективную защиту от неуправляемого насилия со стороны окружающих. Они даже предполагают, пусть и косвенно, возможность причислить государство, в котором некогда видели основного (и даже единственного) стража человеческой безопасности и единственную страховку от насилия, к основным факторам/причинам/операторам сегодняшнего торжества беззащитности и уязвимости перед насилием» [Бауман, 2019: 32—33].

З. Бауман подчеркивает, что в современном мире, где распадаются политически выстроенные структуры, где увеличивается разрыв между политикой и властью, вновь возник театр войны всех против всех, которую люди ведут в одиночку, в бешеной конкуренции. И потому знак вопроса, стоящий в заголовке главы, считает автор, можно удалить.

Столь же остро — и в свете глобальных миграционных перемещений, и заигрывающей власти с нацизмом в Украине, и в постоянно возникающих призраках Холокоста (в настоящий момент — во Франции) звучит вторая глава «Назад к племенам», где З. Бауман делает попытку объяснить взрыв современного национализма. Он пишет о непреодолимой склонности в поиске ускользающей идентичности делить людей на «нас» и на «них», и если даже «они» обнаруживаются с трудом, их следует выдумать, изобрести, назначить, сконструировать образ врага. И в этом современный, ищущий идентичности человек аналогичен члену племени: «принадлежность» требует самоотвержения, «не на живот, а на смерть». Но XXI век вводит в картину мира новые технологии — их всеобщая доступность и «оторванная от территории» мобильность, «несинхронизированная с перемещением тел», привносит новые возможности и новые перспективы в выборе поведенческих образцов.

В третьей главе книги — «Назад к неравенству» — автор обращается к феномену неравенства, включаясь в дискурс разнообразных точек зрения на философию ББД (безусловный базовый доход). Социолог соглашается с теми, кто полагает ББД краеугольным камнем любого будущего «Дома равенства», так как это доход, который государство выплачивает всем полноправным членам общества независимо от того, хотят они наниматься на оплачиваемую работу или нет, богаты они или бедны, имеют какие-либо еще источники дохода или нет, и независимо от оснований совместного проживания в домохозяйстве. Несмотря на глобальный тренд к неравенству — а З. Бауман приводит убедительные исследования, доказывающие наличие этого тренда в ЕС, — ББД «можно использовать как уникальное мощное оружие в борьбе за обращение вспять этого ужасающего, опаснейшего, предвещающего катастрофу тренда» [Бауман, 2019: 117].

Книгу завершает глава с эпатажным названием «Назад в утробу». Однако в самом тексте нет никакого эпатажа. З. Бауман пылливо, въедливо, пристрастно — как он это умеет делать, — изучает социальную ткань современных условий человеческого существования. Он вскрывает социальные причины общества потребления, навязывающего иллюзорные потребности; пытается осмыслить природу современного нарциссизма — является ли он «расстройством личности» или «расстройством общества» (и пишет об этом так, что читатель неизбежно будет соотносить свое бытие с этим описанием); представляет новую мораль «назад к себе» как основанную на переносе ответственности с «где-то там» (т. е. с Другого, близкого и родного, «нас», сообщества, общества, человечества, планеты, на которой мы все живем) на свое собственное тело: на его ловкость, на его способность испытать удовольствие от «хорошего самочувствия». И ущерб этого переноса в том, что теперь мораль стала одним из инструментов разделения, разобщения, размежевания, отчуждения и разрыва. И — одиночества как вируса современной эпохи (например, в Стокгольме 58 % домохозяйств состоят из одного человека, каждый четвертый житель города умирает в одиночестве).

З. Бауман подчеркивает, что феномен «назад в утробу» — продукт успешной социализации в господствующую сегодня философию жизни. Утроба — это одинокое место, но безопасное и свободное от появления посторонних и конкурентов, способных поколебать статус ее единственного жителя, лишить его льгот и привилегий. В Утробу, к племенам, к Гоббсу люди бегут от будущего, признаки которого они

видят уже в настоящем. Но мы ведь не сможем уговорить или заставить Ангела Истории снова развернуться.

Символично название эпилога: «В будущее с надеждой на перемены». Символично, поскольку мы знаем, что это последняя книга великого мыслителя. Подводя итог, он так формулирует сегодняшнюю задачу: она «заключается в том, чтобы впервые в истории человечества, ни больше ни меньше, спланировать интеграцию без опоры на разделение» [Бауман, 2019: 152]. Но надежды нет: «все указывает скорее на то, что ни сейчас, ни в ближайшее время эта задача ставиться не будет». И все же... все же... Диалог! Культура диалога, которая предполагает личную ответственность, которая способна исцелить раны мультикультурного, мультиполярного и мультиконфликтного мира. Коротких путей совладать с попытками «вернуться назад» — к Гоббсу ли, племенам, неравенству или утробе — нет. Но нет и альтернативы. «Или взяться всем за руки, или лечь всем в общую могилу».

Перелистнув последнюю страницу, переживаешь щемящее чувство расставания с близким по духу человеком, сумевшим лучше, чем ты сама, глубже, объемнее представить то, что мыслилось и писалось тобою о социальной действительности текущего времени. Обаяние личности мыслителя, его способность не обольщаться иллюзиями, рационализировать тот иррациональный смысл, что притаился в утопии, и удвоить его в «ретротопии» — все это еще долго бережит ум, провоцируя диалог между мыслью и текстом.

Долг рецензента — обратить внимание и на то, как представлена книга русскоязычному читателю. Как четко обрисован портрет Зигмунта Баумана в предисловии издателя — Валерия Федорова. Как точно и высокопрофессионально сделан перевод Викторией Силаевой, как тщательно осуществлена научная редакция Олегом Оберемко. Примечания, сделанные ими, придают изданию классический академический характер, а оформление обложки отражает дух, метаидею книги.

Список литературы (References)

Бауман З. Индивидуализированное общество / пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Логос, 2002.

Bauman Z. (2002) *The Individualized Society* / Trans. from En. under the editorship of V. L. Inozemtsev. Moscow: Logos. (In Russ.)

Бауман З. Ретротопия / пер. с англ. В. Л. Силаевой; под науч. ред. О. А. Оберемко. М.: ВЦИОМ, 2019.

Bauman Z. (2019) *Retrotopia* / Trans. from En. V. L. Silaeva, under the scientific editorship of O. A. Oberemko. Moscow: WCIOM. (In Russ.)

Попова О. В. Человек как артефакт биотехнологий. М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2017.

Popova O. V. (2017) *Man as an Artifact of Biotechnology*. Moscow: Kanon+ROOI Rehabilitation. (In Russ.)

Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / пер. с англ. М.: АСТ, 2014.

Fromm E. (2014) *The Anatomy of Human Destructiveness* / Trans. from En. Moscow: AST.